

цит, чтобы похвала варварам звучала как порицание пороков современного автору византийского общества.

Так, Агафий, утверждает, что франки весьма благопристойны и культурны и ничем не отличаются от византийцев, кроме варварской одежды и языка. Но вместе с тем Агафий (конечно, совершенно ошибочно) стремится доказать, что у франкских племен царит единство и внутренний мир¹¹⁸, чего как раз так недостает Византийской империи.

Агафий рисует поверхностную, тенденциозную картину внутренних взаимоотношений в государстве франков, столь противоречащую тому, что мы знаем о них из труда Григория Турского и других западных хронистов. Он с похвалой отзываясь об обычаях т. наз. мартовских полей у франков, восхищается дружескими отношениями между братьями — правителями франков, которые по мирному соглашению делят между собой страну и якобы не стремятся к высшей власти. В общественном строе этих варваров Агафию особенно импонируют следующие явления: подданные франкских королей, по Агафию, склонны к справедливости и любят свою родину, а вожди в нужных случаях благожелательны и доступны убеждению. В государстве якобы царит справедливость и согласие, что делает его неуязвимым для внешних врагов. Споры решаются больше на основании права, а не силы. Несмотря на то, что государство делится между двумя или даже тремя правителями, они не начинают между собой войн и «не оскверняют отечество кровью сограждан»¹¹⁹. Идиллия, нарисованная Агафием, скорее показатель политических настроений автора, чем действительного положения вещей у франков. Историк хочет определить, чего недостает в общественной жизни Византии и чему византийцы могут поучиться у варваров.

Агафий призывает византийское правительство поддерживать дружеские, добрососедские отношения с другими народами и осуждает ошибки правителей в политике по отношению к соседям империи и ее вассалам, в частности по отношению к лазам. «Когда нависла столь тяжелая война, благоразумным людям свойственно привлекать к себе гуманностью чужестранные и еще не знакомые народы. Эти же (византийские правители Лазики. — З. У.) приложили все усилия к тому, чтобы вооружить против римлян даже те народы, которые уже давно связаны с ними самыми тесными узами»¹²⁰.

Таким образом, религиозная толерантность соединяется у Агафия с известной терпимостью и к варварским народам, окружавшим Византию.

Заканчивая рассмотрение труда Агафия, мы можем прийти к заключению, что по своим социально-политическим взглядам Агафий был более умеренным консерваторм, чем Прокопий, он хотя и был приверженцем античности, но допускал и новшества; он был более сдержан в критике существующего строя и скорее порицал дурных правителей вообще, чем правление Юстиниана в частности, отражая в этом отношении политические симпатии и антипатии образованных кругов — интеллигенции Византии. В мировоззрении Агафия сочетались черты античного восприятия мира, греко-римской философии с христианской идеологией. Однако широкая веротерпимость, отсутствие христианского благочестия и христианской концепции исторического процесса, а также интереса к догматическим и церковным сюжетам резко отличают Агафия от церковных писателей его времени. По своей философии истории, по методу и характеру исторического повествования, по общему стилю и насыщенности античными реминисценциями историческое сочинение Агафия еще близко стоит к античным авторам и является как бы знаменем переходной эпохи, в которую жил его автор.

¹¹⁸ A g a t h., Hist., I, 2.

¹¹⁹ Ibid., I, 2—3.

¹²⁰ Ibid., IV, 6.